

КНИГА СТИХОВ

ДАВАЙТЕ ВОСКЛИЦАТЬ!

Субъективные заметки
об «Избранном»
Владимира Высоцкого

Между тем «Избранное» В. Высоцкого имеет одну особенность. Тексты здесь расположены в хронологическом порядке... Хотя надо бы сказать осторожнее: предпринята попытка расположить тексты в хронологическом порядке. Так будет вернее, поскольку вопрос датировки многих стихов В. Высоцкого по-прежнему остается открытым. Профессиональные текстологи с ними еще не работали. Но даже попытка, на мой взгляд, принесла удивительные плоды.

Если, по Окуджаве, считать, что В. Высоцкий действительно «с годами стал профессиональнее», то нужно заметить, что годы эти пролетели быстро. Очень быстро. Уже в 64-м были «Братские могилы», «Нынче все срока закончены...», «Штрафные батальоны», «Звезды». «Холода», «Сыт я по горло, до подбородка...», «Дайте собакам мяса...». Уже к концу 60-х тексты эти не просто разлетелись по стране, но вошли как опорные элементы в художественную ткань чужих произведений. Достаточно напомнить «Гадких лебедей» А. и Б. Стругацких («Сыт я по горло, до подбородка...»), «Ночь после выпуска» В. Тендрякова («Дайте собакам мяса...»), не говоря уж о фильмах, в которых звучали песни В. Высоцкого.

И тут же, рядом с перечисленным, легко уживалась его «блатная старина»: «Весна еще вначале...», «Ну, о чем с тобой говорить...», «Серебряные струны», «Все поэзия — и КПЗ, и суд...», «Мне ребята сказали про такую наколку...».

Как это все объяснить с позиций «вреза»?

Судьба не струна, сколь бы заманчивым ни казалась такой образ. Там более судьба Владимира Высоцкого. Попытки даже условного спрямления его биографии нелепы. Те, кто хоть мало-мальски задумывался над его текстами, легко заметят, что, будучи вполне независимой личностью, Высоцкий тем не менее никогда не отделял себя от реальности, ощущая себя как бы ее продолжением. Точно так же, как, выходя на сцену, всегда, по точному замечанию Л. В. Абрамовой, чувствовал себя продолжением зала. Не лидером — форпостом!

Что ж до действительности, которую

продолжал собою, о ней он написал сам: «... развитие здесь идет не по спирали, а вкривь и вкось, вразрез, наперекор!».

В силу этого и выражал он себя в тех формах и образах, которые были в его ощущениях максимально адекватны действительности. Он никогда не работал на будущее, всегда — только на настоящее, на необходимость. В этом его величие и залог долгой жизни.

Легко и естественно можно было бы принять в разрезе «примитива и однозначности» дурашливую историю о незадачливом добряке, вдруг очутившемся в царстве свободных стульев «для гостей», «для князей» и «стула для царских кровей». Смешно следить, как этот дурачина-простофиля усаживается на первый стул, влезает на второй, а уж поскольку никто не держит, то и на третий. И уж совсем замечателен балаганный конец этой истории. Он, полагаю, памятен всем:

Но был добрый

этот самый простофиля:

Захотел издать указ про изобилье.

Только стул подобных дел

не терпел:

Как тряхнет — и ясно, тот не усидел.

И очнулся добрый малый

Простофиля

У себя на сеновале —

В чем родили...

Ду-ра-чи-на!

Ах, все-то было б, когда б не год рождения этих строк — 1964-й.

Я не знаю, что пел В. Высоцкий Н. С. Хрущеву (если бы кто-нибудь мог расказать!), когда тот пригласил его к себе «на сеновал» в 1971 году. Но в 72-м появился текст «Прошла пора вступлений и прелюдий...». И, думаю, одним из первых, если не первым, из тех «больших людей», что звали поэта к себе, чтобы пропел он им «Хоту на волков», был Н. С. Хрущев.

...И об стакан бутылкою заел

С нарзаном,

что извлек из книжной полки,

Он выпалил: «Да это ж про меня!

Про нас про всех!

Какие к черту волки?!»

Для многих, думаю, эта книга будет воз-

вращением в собственное прошлое. Песня Высоцкого — отметины в памяти поколения — связаны у каждого с чем-то глубоко личным. Здесь память эта внесена в хронологические координаты, по-своему расфасована, упорядочена. Попутно, правда, с ней проделана небольшая операция, которую, быть может, случайный читатель и не заметит, но она важна.

В книге предпринята попытка сменить жанр литературного наследия Высоцкого. Сделано это, верю, из лучших побуждений, в надежде таким образом утвердить его имя в стане «всамделишных» поэтов. Как? Очень непосредственно.

Всюду, где только можно и где нельзя, в заглавиях текстов опущено слово «песня». Скажем, «Песня о сентиментальном боксере» стала просто стихотворением «О сентиментальном боксере», «Песня-пародия на плохой детектив» превратилась в «Пародию на плохой детектив» и т. д. Но совсем непонятно, почему тут же, рядом, существует тогда же сокращенная «Песня летчика», почему текст «О двух автомобилях», напечатанный ранее в «Московском комсомольце» той же оперативной тройкой комиссии по литературному наследию поэта, в «Избранном», вопреки всякой логике, вновь стал «Песней о двух автомобилях»?

Что это? Комиссия по литературному наследию В. С. Высоцкого ищет свой стиль подачи материалов? Или уже реализует его по принципу «своя рука — владыка»? Если так, то лучший ли это принцип? Бог весть...

Я уж не говорю о том, что некоторые названия, сколь бы неизящными они ни казались публикаторам, сокращать категорически нельзя. Название «Про конькобежца-спринтера», приложенное к известному тексту вместо оригинального («Песня про конькобежца — бегуна на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную, а он не мог»), — это нонсенс! Повторю — нельзя отделять Высоцкого от времени, в котором он жил! Тем более нельзя это делать по собственному капризу.

Длинное название «Песня про конькобежца...» — не случайность, тому есть литературное свидетельство человека, весьма уважаемого в мире авторской песни.

«...Два месяца начало искал. Потом придумал длинное название, фактически строфу в прозе. «Баллада о психе из больницы имени Ганнушкина, который не отдавал санитарам свою пограничную фуражку». Потом многие этот прием применяли...» (М. Анчаров. «Записки странствующего энтузиаста»). Вот так...

В. Б. Шкловский в сходной ситуации заметил: «Мы разрушаем грибницу!».

«А про тех, кто работал сегодня над этим сборником, — напишет в послесловии Н. Крымова, — можно сказать, что их не покидало чувство волнения и ответственности».

Сказать-то можно. Равно как можно и связывать, спросив: как же они умудрились при этом перепутать последовательность строф в тексте «В ресторане по стенкам висят тут и там...»?

Но, знаете, честное слово, я верю Наталье Анатольевне Крымовой. Верю в то, что работали над книгой неравнодушные люди. Но ведь это же не оправдание! Благими намерениями мостятся разные дороги. А потому давайте восклицать!

Евг. КАНЧУКОВ